

© 2025. Д. Н. Христенко

Российский государственный аграрный университет —
МСХА имени К. А. Тимирязева,
г. Москва, Россия

Русские классики и судьба России в произведениях американского писателя Мориса Хиндуса

Аннотация: Статья посвящена незаслуженно забытому в нашей стране американскому писателю М. Хиндусу (1891–1969), на протяжении полувека занимавшемуся изучением Советской России и ее «интерпретацией» для Запада. Отмечается пристальное внимание М. Хиндуса к русской классике, на основе цитирования и постижения которой можно проследить процесс эволюции его творчества. В книгах М. Хиндуса можно выделить три главных вопроса: тема деревни и крестьянской жизни; проблема русского национального характера; тема любви и человеческих взаимоотношений. В ранних работах 1920-х и 1930-х гг. он пытался подтвердить примерами из русской классической литературы свои собственные выводы и наблюдения о позитивных изменениях в социально-общественной жизни СССР. В поздний период творчества он обращался к русской классике в поиске ответа на глубинные вопросы о национальном характере, русской ментальности, ценностях и жизненной ориентации, которыми живет простой человек и все советское общество. М. Хиндус был одним из наиболее ярких иностранных писателей, изучавших наше Отечество, своего рода зеркалом, в котором мы видим изменение отношения зарубежных интеллектуалов к исторической судьбе России и ее классическому литературному наследию.

Ключевые слова: русская классика Л. Н. Толстой, М. Хиндус, американский писатель, Россия, история, народ.

Информация об авторе: Дмитрий Николаевич Христенко, кандидат исторических наук, Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К. А. Тимирязева, ул. Тимирязевская, д. 49, 127434 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6221-8991>

E-mail: khristenko1983@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 19.02.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 07.03.2025

Дата публикации статьи: 25.06.2025

Для цитирования: Христенко Д. Н. Русские классики и судьба России в произведениях американского писателя Мориса Хиндуса // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 240–257. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-240-257>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 2, 2025, pp. 240–257. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 2, 2025, pp. 240–257. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. Dmitrii N. Khristenko

Russian State Agrarian University —
Moscow Timiryazev Agricultural Academy
Moscow, Russia

Russian Classics and the Russian Fate in the Works by the American Writer Maurice Hindus

Abstract: This article examines the hitherto undiscovered American writer M. Hindus (1891–1969), who for half a century studied Soviet Russia and its “interpretation” of the West. The research notes that Hindus paid close attention to Russian classics, whose work was based on their citing and comprehension. The books of Hindus reveal three main issues: the theme of the village and peasant life, the Russian national character, and love and human relationships. In his early works of the 1920s and 1930s, he tried to confirm his conclusions and observations about the positive changes in the socio-public life of the USSR with examples from Russian classical literature. In the later period of his work, he turned to Russian classics in search of answers to profound questions about the national character, Russian mentality, values, and life orientation by which ordinary people and the entire Soviet society live. Hindus was one of the most prominent foreign writers who studied our Fatherland, a kind of mirror in which we see the change in the attitude of foreign intellectuals to the historical fate of Russia and its classical literary heritage.

Keywords: Russian classics, Leo Tolstoy, M. Hindus, American writer, Russia, history, people

Information about the author: Dmitrii N. Khristenko, PhD in History, Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Timiryazevskaya St., 49, 127434 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6221-8991>

E-mail: khristenko1983@mail.ru

Received: February 19, 2025

Approved after reviewing: March 07, 2025

Published: June 25, 2025

For citation: Khristenko, D. N. “Russian Classics and the Russian Fate in the Works by the American Writer Maurice Hindus.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 2, 2025, pp. 240–257. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-240-257>

Русская классическая литература по праву входит в сокровищницу мировой культуры, она является отражением ментальности и национального своеобразия русского народа, содержит в себе «культурный код», по которому во внешнем мире оценивают и воспринимают нашу страну, ее историю и уникальность. Глубокое знание русской классики неизбежно оказывает влияние на любого мыслящего человека, русского или иностранца, который знакомится с ней в силу профессиональной необходимости или интереса к нашей стране. Она формирует гораздо более целостный и непредвзятый взгляд на русскую действительность, позволяет понять истоки процессов, которые происходили и происходят в нашей стране.

Именно поэтому один из наиболее известных американских писателей, занимавшихся Советской Россией, Морис Хиндус (1891–1969), постоянно обращался в своих работах к русской классике. В наиболее известных книгах 1920-х и 1930-х гг. («Вспаханная земля» [Hindus 1926], «Выкорчеванная гуманность» [Hindus 1929], «Красный хлеб» [Hindus 1931], «Великое наступление» [Hindus 1933]), М. Хиндус нередко пытается подтвердить примерами из русской классической литературы свои собственные воспоминания, выводы и наблюдения о страданиях и угнетении (беспросветной нищете, неграмотности и забитости, тяжелой жизни) простого народа в Российской империи и о позитивных изменениях в социально-общественной жизни СССР.

В поздний период творчества, понимая, что революционные ценности, представлявшиеся ему в молодости многообещающими, в действительности оказались мимолетными, и даже советское общество в них разочаровалось, он переоценивает и свое отношение к русской классической литературе. Теперь он обращается к русской классике не просто с целью нахождения убедительных свидетельств и иллюстраций, но в поиске ответа на глубинные вопросы о национальном характере, русской ментальности, ценностях и жизненной ориентации, которыми

живет простой человек и все советское общество. Это хорошо видно в поздних произведениях М. Хиндуса 1950–1960 гг.: «Дом без крыши: Россия после 43-х лет революции» [Hindus 1961] и «Человеческая дилемма Кремля: СССР спустя полвека после Революции» [Hindus 1967]. В последней он проводит сравнение между Советским Союзом брежневского периода и маоистским Китаем, отмечая, что культурная революция в Китае, отвергающая таких классиков как Шекспир, А. Пушкин, Л. Толстой, Т. Манн, Р. Роллан, не встречает никакого сочувствия у русской публики, среди которой, наоборот, наблюдается рост почитания классической литературы и других видов искусства. «Для любого русского — вообще для любого советского гражданина сегодня — сам термин классика несет духовные коннотации, которые не могут быть переоценены» [Hindus 1967: VIII].

Удивительно, что, несмотря на его позитивный взгляд на СССР, его работы не были включены ни в большой советский сборник 1930-х гг. «Глазами иностранцев 1917–1932» [Глазами иностранцев...], посвященный 15-летию Революции, ни в двухтомник 1970-х гг. «Я видел будущее: писатели и деятели культуры зарубежных стран о Союзе Советских Социалистических Республик. 1917–1977» [Я видел будущее...]. Это тем более странно, учитывая, что в статье Нью-Йорк Таймс от 26 сентября 1971 г., посвященной памяти М. Хиндуса, отмечалось, что «он написал больше книг о России, чем какой-либо другой автор в западном мире» [Mangione].

Всего перу М. Хиндуса принадлежит 15 книг, причем они описывают нашу страну на протяжении более чем пятидесяти лет. Первая книга «Русский крестьянин и Революция» [Hindus 1920] вышла в 1920 г., а последняя «Странник между двух миров» [Hindus 1971] уже после смерти автора, в 1971 г. Несомненным показателем признания М. Хиндуса как «интерпретатора России для Запада» в англоязычной общественной и литературной среде стало его участие в сопровождении в поездке по СССР английского драматурга Бернарда Шоу в 1931 г.

Тем не менее, имя Мориса Хиндуса оказалось забыто в отечественной литературе и историографии, не упоминалось ни в научных монографиях, ни в серьезных исследованиях. Только в последние годы в отечественных работах стали появляться упоминания о нем, но очень фрагментарные [Тихий 2000]. Фактически единственным исследованием, посвященным личности М. Хиндуса, является неболь-

шая статья И. В. Кабановой в журнале «Литература двух Америках», издаваемом ИМЛИ РАН [Кабанова 2017]. Примечательно, что работа И. В. Кабановой вышла в 2017 г. к столетию Революции 1917 г., и кратко касается всего одной-двух книг М. Хиндуса, посвященных первым годам советской власти, не претендуя ни на анализ всего его творчества, ни на то, чтобы поместить его в широкий исторический контекст.

В нашей статье выявляются три главные темы творчества М. Хиндуса, связанные с преломлением сюжетов русской классики к современной ему действительности, исторической судьбе России и ее будущему. Это, во-первых, тема деревни и крестьянской жизни; во-вторых, проблема русского национального характера; в-третьих, тема любви и человеческих взаимоотношений.

До 14 лет М. Хиндус, выходец из еврейской семьи, был подданным Российской империи и проживал в обычной крестьянской деревне, возле Слуцка в Белоруссии. Нищета крестьян, бесправие простого народа, еврейские погромы, все это вынудило мать Хиндуса вместе с детьми эмигрировать в 1905 г. в Нью-Йорк. М. Хиндус быстро интегрировался в новую жизнь в Америке, где он сначала несколько лет работал на ферме, а впоследствии поступил на литературный факультет университета. После окончания обучения, он, с детства владея русским языком как родным, получил уникальную возможность написать несколько репортажей о русской колонии духоборов в Канаде для влиятельного американского журнала “Century”.

Как вспоминал много лет спустя писатель, он проникся к духоборам большой симпатией, наиболее подробно описав отделившееся от их основной массы радикальное течение под названием «Свободники». Последние противопоставляли себя как внешнему миру, так и остальной части духоборов, эпатируя окружающих своими обнаженными шествиями в канадских селениях и городах. В разговорах с М. Хиндусом свободники объясняли свое поведение тем, что человеческое тело прекрасно, и только извращенные современной цивилизацией людские умы могут его стыдиться. Они были строгими вегетарианцами, не использовали современных технических достижений, провозглашали полную свободу человека от мирских соблазнов, не признавали ни официальную церковь, ни государственные органы, утверждая, что служат только Богу. При этом они придерживались принципа непро-

тивления злу в практической жизни в максимально полном его исполнении [Hindus 1971: 291–298].

Примечательно, что денежные средства для переселения духоборов в Канаду были предоставлены Л. Н. Толстым, который отдал в распоряжение сектантов свои гонорары от публикации повести «Отец Сергей» и романа «Воскресение». Этот факт был широко известен не только в России, но и за рубежом, что позволило М. Хиндусу предположить о тесной взаимосвязи мировоззренческих принципов Л. Н. Толстого и его фанатичных последователей, извративших ключевые положения толстовского учения. «Слушая их речи, — отмечал М. Хиндус, — я не мог отделаться от мысли о Л. Толстом. Как этот величественный поборник примитивизма сиял бы от радости, видя столь яростное отрицание западной цивилизации! В самой сути образа жизни свободников были явно видны идеи толстовства. Я не был полностью уверен, но думаю, что этот ироничный христианский нигилист одобрил бы и обнаженные шествия». Когда же М. Хиндус прямо спросил руководителя общины о том, не являются ли они последователями Л. Н. Толстого, «одного из величайших писателей, который когда-либо жил на земле», то оказалось, что они не знают даже его имени [Hindus 1971: 299].

Американский писатель отмечал, что, лично наблюдая за жизнью этой радикальной части духоборов, пытаясь понять их мировоззрение, он испытывал смешанные чувства. «Насколько поведение свободников кажется детским! Как бесплоден их взгляд на жизнь, и их невероятная анархическая концепция свободы!» — восклицал М. Хиндус. Он подчеркивал, что на примере духоборов ярко видна разница менталитетов между западным и российским обществом, где в своем своеобразии сходятся радикальные общественные течения и убеждения русских классиков, транслируемые на их героев. Эту же особенность отмечают и современные отечественные литературоведы, подчеркивая, что именно различное отношение к личности определило динамику художественных форм в России и в Западной Европе. «Для писателей-европейцев все человечество казалось системой, которая сложена механически. Так как эта система не одухотворена, то писатели отстраненно рассматривали ее, констатируя особый состав и строение, но не обращали внимания на сложные процессы, проходящие внутри данной системы» [Андреева: 15].

В книге «Странник между двух миров» М. Хиндус пишет: «Для англосакса с его привычкой к распорядку, его утилитарными устремлениями, его поисками комфортного места в мире, попытки этих неграмотных мужиков достичь определенного весьма странного стандарта духовного совершенства должны показаться абсурдными и иррациональными. Но разве рассматриваемые с англо-саксонских стандартов Раскольников, князь Мышкин, Иван Карамазов и его святой брат Алеша являются нормальными людьми? И что можно сказать о самом Л. Толстом, который отверг в преклонном возрасте и славу, и богатство, и бежал во тьме ночи от комфортного дома и любящей семьи в удаленную глушь в надежде найти мир в своей душе?» [Hindus 1971: 301].

По итогам своего посещения общины духоборов М. Хиндус написал статью «Как во дни Адама», опубликованную в журнале “Century”. Она получила широкий отклик и принесла ему первую славу. Но при ретроспективном анализе творчества писателя гораздо важнее осознать тот факт, что, описывая духоборов, М. Хиндус впервые неосознанно нащупал то, что позднее станет отличительным стилем его книг. Он сумел объяснить совершенно непонятные западному рациональному менталитету события жизни России на основе образов и идей из произведений русской классической литературы, в свою очередь наиболее точно отражавшей мысли и думы российского народа.

Идея фундаментального отличия России от западной цивилизации, прежде всего в духовном, а не материальном отношении, невозможность судить об историческом развитии России и ее судьбе согласно западным стандартам и лекалам, постоянно проводится в трудах М. Хиндуса. Для подтверждения данного тезиса он вновь и вновь обращается к русским классикам. Эпиграфом своей работы «Кризис в Кремле», написанной в 1953 г., в самый разгар холодной войны, он делает достаточно точно переведенную на английский язык цитату В. Г. Белинского 1847 г.: «Но один из величайших умственных успехов нашего времени в том и состоит, что мы, наконец, поняли, что у России была своя история, несколько не похожая на историю ни одного европейского государства, и что ее должно изучать и о ней должно судить на основании ее же самой, а не на основании историй, ничего не имеющих с нею общего, европейских народов» [Hindus 1953].

Чем чаще американский писатель посещал Советскую Россию, тем глубже он убеждался в истинности слов В. Г. Белинского. Впервые М. Хиндус вернулся на свою бывшую Родину в 1920-е гг. Впечатленный как прекрасным литературным стилем М. Хиндуса, так и его глубокими наблюдениями, американский издатель отправляет писателя в СССР для описания изменений в русской деревне, которые произошли с приходом к власти большевиков.

Именно тема крестьянской жизни становится первой и главной в исследованиях М. Хиндуса на долгие годы. Фактически М. Хиндус в 1920-е – 1930-е гг. предвосхитил советских писателей-деревенщиков 1960-х – 1970-х гг. (В. Г. Распутина, В. И. Белова, В. М. Шукшина), но только с одним исключением. Если они по большей части критиковали современную им советскую действительность брежневского периода, вольно или невольно создавая впечатление об исчезнувшей пасторальной дореволюционной жизни, когда крестьяне жили своим собственным умом, согласно древним традициям, американский писатель не испытывает никакого пиетета к ушедшему времени. Для подтверждения своих взглядов он вновь обращается к русской классике как главному источнику верификации, подчеркивая, что «и А. Чехов в “Мужиках”, и И. Бунин в “Деревне” живо изобразили все жестокости и зверства, которые процветали на селе». Улучшения в здравоохранении и образовании, которых достигли земства, основанные еще при Александре II, отмечает М. Хиндус, «не слишком впечатляли ни А. Чехова, ни И. Бунина. И при этом, не стоит забывать, что земства были даже не в каждой губернии. Неоспоримый факт заключается в том, что к 1917 г., началу Революции, огромная часть крестьян была неграмотна — женщины в гораздо большей степени, чем мужчины — и уровень смертности, особенно детей в возрасте до 4-х лет, был одним из самых высоких в Европе, достигая 273 погибших на 1000 детей в 1913 году» [Hindus 1967: 187]. Цифры, приводимые М. Хиндусом, не являются преувеличением. Последние отечественные исследования, подготовленные на архивных материалах, показывают, в каком удручающем состоянии находилось сельское здравоохранение во времена Российской империи [Христенко: 795–796].

Американский писатель в произведениях 1930-х гг. «Красный хлеб» и «Великое наступление», живую документируя процесс коллективизации, в отличие от большинства отечественных исследователей,

последовательно высказывался в поддержку политики советского руководства. Признавая любовь русского мужика к земле, его трудолюбие и упорство при работе в поле, он в то же время неизменно подчеркивал его безграмотность, отсутствие инициативы, нежелание применять новую технику и использовать достижения агрономии, без прикрас описывал грязь и неустроенность деревенских жилищ, пьянство и грубые нравы деревенских обитателей, которые на протяжении веков заставляли крестьянина жить в неустроенности и нищете. «Хотя мужик приобрел на протяжении веков знания и умения, чтобы обрабатывать землю и выращивать урожай, он так и не приобрел, впрочем, не по своей вине, мудрость, чтобы суметь распорядиться своей собственной жизнью. В результате даже земства со всеми их благородными намерениями не смогли изжить варварство из повседневной жизни мужика», — констатировал он своих последних работах [Hindus 1967: 221]. М. Хиндус доказывал, что именно крестьянский вопрос стал фатальным для сохранения Российской империи, категорически утверждая, что «если бы при царской власти русская деревня достигла такого же цивилизационного уровня развития, как в скандинавских или западноевропейских государствах, или хотя бы приблизилась к нему, большевистская революция никогда бы не состоялась» [Hindus 1967: 188].

В работе «Великое наступление» американский писатель отмечал, что в дореволюционные времена Россия пренебрегала машинами. Новейшая техника была социальным вызовом для дряхлеющей автократии и для дворянского сословия, которое презирало машину как грязную и вульгарную вещь, разрушающую легкость и красоту жизни. Подобной позиции, констатирует М. Хиндус, оказывало серьезную моральную поддержку мнение ряда видных русских классиков, прежде всего Л. Н. Толстого, который, «подобно Ганди, осуждал технику как извращающую человеческие ценности и искажающие человеческие эмоции». Машина, провозглашал этот русский классик, «сделала человека жадным, грубым и злым, и она была оружием пытки и смерти». Крестьянин также от всей души презирал технические новшества, которые были чем-то чуждым и неорганичным, вне гармонии его ежедневной работы и повседневной жизни [Hindus 1933: 58].

Сожалая в своих ранних работах о высылке кулаков как трудолюбивых работников, М. Хиндус в то же время полагал, что в условиях господства идеологии классовой борьбы 1930-х гг. другой исход был

бы маловероятен. Только после начала холодной войны, хрущевских экспериментов и брежневского застоя он с горечью признал, что его надежды не оправдались. Он отказывается от своего технологического оптимизма, фактически признавая справедливость мнения Л. Н. Толстого о приоритете человека над машинами в ходе обращения с землей. «Я вспоминаю большевистские аргументы в ходе бурных годов коллективизации. Объединить 24 миллиона небольших крестьянских владений в коллективные хозяйства большой площади, которые могли бы обрабатываться тракторами и другими машинами, и земля станет более плодородной, чем когда-либо. Это звучало логично. Главный упор был сделан на технику, но годы проходили и проходили, и стало очевидно, что сельхозмашины не могут сами по себе сотворить чудо, что человек, живущий на земле, должен быть тоже вовлечен в процесс, и не только его мускулы, но и его разум, и сердце», — пишет М. Хиндус [Hindus 1967: 194].

Вопрос об исторической судьбе России у М. Хиндуса не исчерпывался рассмотрением только деревенской жизни. Как уже упоминалось выше, книги М. Хиндуса не переводились и не издавались в СССР, но при этом, что само по себе заслуживает внимания, глубоко изучались советскими специалистами по международным отношениям. В октябре 1933 г. в отечественном журнале «Мировое хозяйство и мировая политика» (№ 10) был опубликован обзор А. Тивеля «Новые иностранные книги о Советском Союзе». Среди прочих А. Тивель разбирает и вышедшую в это время в Америке работу М. Хиндуса «Великое наступление». В ней А. Тивель, наряду с другими советскими интеллектуалами не переживший 1937 г., очень четко уловил главный мотив постоянного обращения М. Хиндуса к русской классике: «В международной печати о СССР, особенно англо-саксонской, одной из любимых тем являются рассуждения о “русской душе”. Для значительной части буржуазной интеллигенции Запада главным источником познания России все еще являются Достоевский и Тургенев. В многочисленных либеральных и интеллигентских еженедельниках и ежемесячниках вроде английского или американского “Nation” или “New Republic” и в писаниях того же Гиндуса (Хиндуса — Д. Х.) немалое количество страниц посвящено проблеме интеллигенции в России и ее отношению к революции и проблеме “русского характера”» [Тивель: 118].

С этим утверждением нельзя не согласиться. Действительно, «душу народа», его характер, его менталитет и особый взгляд на мир нельзя понять, изучая статистические сводки о темпе роста производства или очередной официальный доклад о принятых решениях и постановлениях. Именно поэтому обращение к классическим произведениям русских писателей было столь важным для М. Хиндуса. В предисловии к своей последней книге, вышедшей в 1967 г., он писал: «На протяжении всех лет, начиная с 1923 г., лично, непосредственно изучая советскую действительность, моей главной заботой была не экономика, не политика или идеологические доктрины, но простые люди» [Hindus 1967: VII].

В работе «Великое наступление» М. Хиндус наиболее подробно исследует проблему «русского национального характера», которую можно выделить как вторую главную тему в его книгах. Он отмечает, что, когда знаменитого русского историка, лидера партии кадетов и одного из лидеров Временного правительства России после февральской революции 1917 г. П. Милюкова спросили, «какую книгу о России на английском он считает лучшей, Милюков без колебаний ответил: “Русские черты” Диллона». Эта книга была хорошо известна в англоязычном мире своими язвительными замечаниями о слабостях русского национального характера. Выбор книги П. Милюковым, полагает американский писатель, «иллюстрирует тенденцию старой русской интеллигенции не только признавать, но и преувеличивать недостатки собственного народа» [Hindus 1933: 62].

В русской классике, полагает М. Хиндус, можно найти много ярких примеров, иллюстрирующих это положение. Один из них, по мнению М. Хиндуса, дает Тургенев в своем романе «Накануне», где, «желая изобразить характер, способный действовать быстро и эффективно, выбирает болгарина». «Героиня романа, говоря об этом болгарине в письме к другу отмечает: “Когда тот говорит о своей родине, он растет, растет, и лицо его хорошеет, и голос как сталь, и нет, кажется, тогда на свете такого человека, перед ним бы он глаза опустил. И он не только говорит — он делал, и будет делать”. И снова: “Вот наконец правдивый человек; вот на кого положиться можно. Этот не лжет; это первый человек, которого я встречаю, который не лжет: все другие лгут, все лжет”». М. Хиндус полагает, что в значительной части старой русской литературы «от Пушкина до Чехова» «выдающиеся герои, как правило,

мечтатели, лежебоки, болтуны, которые часто идут к своей печальной судьбе из-за недостатка умения действовать решительно и подобающим образом» [Hindus 1933: 62–63]. С этим утверждением М. Хиндуса можно во многом согласиться. Неслучайно Обломов Гончарова стал национальным типажом, олицетворением «сонного» русского барина, проводящего свои дни в праздности и бездельи. Примечательно, что Тургенев отказался от первоначального названия романа «Рудин», которое звучало как «Гениальная натура»: в любящем и умеющем красиво и убедительно говорить главном герое не было ни гениальности, ни натуры. Не менее узнаваем и тип бесконечно рефлексирующего русского интеллигента, совершенно беспомощного в обыденной жизни.

Воодушевление М. Хинуса в отношении советской власти в ее ранние годы во многом как раз и объяснялось его надеждами на трансформацию всей общественной жизни страны, ментальности народа, о чем мечтали и русские классики. Именно социальный эффект Революции, надеялся он, окажется самым значимым ее достижением. Американский писатель полагал в 1930-е гг., что советской власти окажется «легче переделать человеческую личность, чем перестроить сложившийся веками экономический порядок» [Hindus 1933: VIII].

Спустя тридцать лет уже пожилой М. Хиндус в работе «Человеческая дилемма Кремля: СССР спустя полвека после Революции», описывая свое очередное посещение СССР, смог убедиться, что его тезис был неверен. Экономический строй может меняться, но человек остается человеком, каким он был и столетие назад. Описывая посещение советской школы, М. Хиндус замечает, что на уроках русского и литературы классические произведения русских писателей гораздо популярней современных советских авторов. Как призналась ему школьная учительница, девочки 15–16 лет не хотят читать о трудовых подвигах ткачихи Валентины Гагановой, им гораздо интересней проблемы любви Наташи Ростовской из бессмертного романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир» [Hindus 1967: 235]. Оказывается, что советских девушек интересуют не темы роста производства, а вопросы любви и отношений между мужчиной и женщиной во всей их сложности и неоднозначности. Тема любви и человеческих взаимоотношений стала еще одной из важнейших в творчестве М. Хиндуса.

Показательно, что во время своего первого посещения СССР в середине 1920-х гг. М. Хиндус, на примере школы в Волгограде, отмечал,

что ученики из рабочего класса были настолько подвержены чувству пролетарского превосходства, что открыто высмеивали Пушкина, Тургенева и Толстого как буржуазных аристократов, которые не написали ничего, что пролетарии должны были бы ценить и уважать [Hindus 1967: 12]. Однако подобные настроения быстро исчезли уже к середине 1930-х гг. и из системы образования, и из общественного дискурса в целом. Мимолетное так и остается мимолетным, а классические произведения актуальны во все времена, при любом политическом строе и экономическом курсе, поскольку рассматривают «вечные вопросы», наиболее значимые для как для личности, так и общества в целом.

Изучение статистических материалов приводит М. Хиндуса к тем же выводам. Самые большие тиражи художественной литературы, выпускаемой советскими издательствами, принадлежат не к «производственным романам» (Фадеев), сюжетам недавней истории (Шолохов) или «революционному эпосу» (Н. А. Островский), а именно классическим произведениям. Первое место — Л. Н. Толстой, изданный за 1918–1964 гг. тиражом 115 млн. экземпляров, за ним — А. С. Пушкин тиражом 107 млн. экземпляров, А. П. Чехов — 67 млн. экземпляров. Для сравнения: М. А. Шолохова издали тиражом 41 млн. экземпляров, практически в три раза меньше, чем Л. Н. Толстого, Фадеева — 19 млн., а Н. А. Островского и вовсе всего 15 млн. экземпляров [Hindus 1967: 240–241].

В этом отношении примечательно, что немецкое переиздание работы М. Хиндуса в ФРГ в 1967 г. вышло с несколько измененным названием, которое отличалось от оригинального американского варианта “Die Enkel der Revolution: Menschliche Probleme in Sowjet Union” («Внуки Революции: Человеческая проблема в Советском Союзе») [Hindus 1967]. Представляется, что западноевропейское издательство очень точно уловило главный смысл книги М. Хиндуса, более ярко, чем даже сам автор, сформулировав в названии книги главную проблему советского общества в конце 1960-начале 1970-х гг. В отличие от «отцов» и «детей» революции, советская молодежь «брежневской эпохи» в духовном отношении была гораздо ближе к героям произведений Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, чем к персонажам Н. А. Островского и М. А. Шолохова. Их совершенно не интересовало «как закалялась сталь» и не заботили проблемы распаханной целины в казачьих станицах Юга Рос-

сии. Как и во все времена, мыслящую молодежь конца 1960 – начала 1970-х гг. волновали вопросы нравственного выбора, любви и поиска истины — слагающие главные сюжетные линии классического русского романа XIX в.

Показательно, что о чем бы ни писал М. Хиндус в своих последних работах, какой бы аспект не затрагивал, он всегда находил отражение существовавших проблем жизни советского общества в русской классике. Так, в главе «Новое открытие секса» он отмечает: «Искреннее рассмотрение интимных аспектов сексуальных отношений, физиологические и психологические проблемы, связанные с этим, представляют собой нечто новое для русских граждан. Не то, чтобы они были пуританами в англосаксонском смысле, но все их великие писатели — Пушкин, Лермонтов, Толстой, Тургенев, Достоевский, Чехов — подчеркивали романтические и трагические, а не эротические аспекты любви. Чистая сексуальность, как в литературе, так и научно-популярных изданиях, была редким исключением» [Hindus 1967: 331]. Подобные тенденции были только усилены, подчеркивает М. Хиндус, во времена сталинского правления, когда в культуре активно продвигался советский «пуританизм».

С мнением американского писателя нельзя не согласиться. Действительно, после короткой свободы творчества 1920-х гг. начался период жесткого цензурирования культуры, прежде всего в вопросах половой этики и морали, который неосознанно подкреплялся позицией русских классиков. Высокие идеалы классической литературы были использованы сталинским режимом в 1930-е гг. для дополнительного контроля над творчеством советских авторов. Этот факт, несомненно, оказал в дальнейшем глубокое влияние на формирование внешнего, облагоустроенного менталитета советского общества. Воспринятый реально только малой образованной его частью, насаждаемый сверху пуританизм привел к тому, что основная масса народа, не имея никакого благородного-эстетического изображения эротической любви, с исчезновением цензуры после распада СССР перешла к активному потреблению даже не эротической, но вульгарно-порнографической литературы. И некоторые бывшие советские интеллигенты стали активно нахваливать непотребные вирши XVIII в., знаменитого «Луку Мудищева» И. Баркова, выдавая его за предтечу великой классической русской литературы следующего столетия.

Подводя итог своим многолетним размышлениям о судьбе России, М. Хиндус пишет, что с точки зрения социального измерения истории, он бы выделил «школьного учителя, врача и геолога как фигур, к которым публично обращено наименьшее внимание, но которые в действительности являются самыми большими героями в советской истории». Школьный учитель сделал Россию одной из самых читающих стран в мире, врач добился того, что избавил ее от статуса страны с одним из самых высоких уровней детской смертности в мире, а геолог разведаль запасы минералов и природных ресурсов. Несмотря на весь террор, репрессии и ссылки, именно учитель, врач и геолог смогли воссоздать государство и российское общество [Hindus 1967: 376].

Таким образом, отношение М. Хиндуса к российской истории и русской классике можно проследить в двойственном контексте. В своих первых работах 1920-х и 1930-х гг. («Вспаханная земля», «Выкорчеванная гуманность», «Красный хлеб», «Великое наступление») он все-таки по большей части концентрируется на текущих событиях, пытается подтвердить примерами из русской классической литературы свои собственные выводы и наблюдения о позитивных изменениях в социально-общественной жизни СССР.

Под конец жизни, понимая, что многообещающие революционные ценности в действительности оказались мимолетными, и советское общество в них разочаровалось, он приходит к ошибочности своего прежнего вывода о возможности изменения личности под воздействием социальной обстановки. Теперь он обращается к русской классике в поиске ответов на вопросы о том, что же происходит в советском обществе.

Фактически, на протяжении всей своей жизни М. Хиндус был одним из наиболее ярких представителей среди всех иностранных писателей, изучавших наше Отечество, своего рода зеркалом, в котором мы видим изменение отношения зарубежных интеллектуалов к исторической судьбе России и ее классическому литературному наследию. Именно поэтому незаслуженно забытые работы М. Хиндуса не только сохраняют свою актуальность в настоящее время, но и требуют дальнейшего изучения и внимательного прочтения отечественными исследователями, позволяя переоценить и пересмотреть события ушедшей эпохи.

Список литературы

Источники

- Глазами иностранцев 1917–1932. М.: Худож. лит., 1932. 719 с.
- «Я видел будущее»: писатели и деятели культуры зарубежных стран о Союзе Советских Социалистических Республик. 1917–1977: в 2 т. М.: Прогресс, 1977.
- Hindus M.* The Russian Peasant and the Revolution. New York: Henry Holt, 1920. 327 p.
- Hindus M.* Broken Earth. New York: International Publishers, 1926. 287 p.
- Hindus M.* Humanity Uprooted. New York: Jonathan Cape and Harrison Smith, 1929. 369 p.
- Hindus M.* Red Bread. New York: Jonathan Cape and Harrison Smith, 1931. 348 p.
- Hindus M.* Great Offensive. New York: Harrison Smith & Robert Haas, 1933. 368 p.
- Hindus M.* Crisis in the Kremlin. New York: Doubleday, 1953. 319 p.
- Hindus M.* House Without a Roof: Russia after Forty-Three Years of Revolution. New York: Doubleday, 1961. 562 p.
- Hindus M.* The Kremlin's Human Dilemma: Russia After Half a Century of Revolution. New York: Doubleday, 1967. 395 p.
- Hindus M.* Die Enkel der Revolution: Menschliche Probleme in Sowjet Union. Brockhaus Verlag, 1967. 389 p.
- Hindus M.* A Traveler in Two Worlds. New York: Doubleday, 1971. 326 p.

Исследования

Андреева В. Г. Человек и проблема антропоцентризма в русском романе второй половины XIX века // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 13–21. <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10191>

Тивель А. Новые иностранные книги о Советском Союзе // Мировое хозяйство и мировая политика. 1933. № 10. С. 110–129.

Кабанова И. В. Место Мориса Хиндуса в американских репортажах из Советской России 1920–1930-х гг. // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 44–54. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2017-3-44-54>

Тихий К. Т. Американцы о стране Советов 1921–1933 гг. Владивосток: Дальнаука, 2000. 255 с.

Христенко Д. Н., Оришев А. Б., Мамедов А. А. Социальная политика Российской империи во второй половине XIX – начале XX века (на примере функционирования системы здравоохранения) // Былые годы. 2024. № 19 (2). С. 792–802. <https://doi.org/10.13187/bg.2024.2.792>

Mangione J. He Believed in the Qualities of the Common Man // New York Times. September 26, 1971.

References

Andreeva, V. G. “Chelovek i problema antropotsentrizma v russkom romane vtoroi poloviny XIX veka” [“The Person and Problem of Anthropocentrism in the Russian Novel of the Second Half of the 19th Century”]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, no. 4 (15), 2018, pp. 13–21. <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10191> (In Russ.)

Tivel', A. “Novye inostrannye knigi o Sovetskom Soiuze” [“New Foreign Books About the Soviet Union”]. *Mirovoe khoziaistvo i mirovaia politika*, no. 10, 1933, pp. 110–129. (In Russ.)

Kabanova, I. V. “Mesto Morisa Khindusa v amerikanskikh reportazhakh iz Sovetskoi Rossii 1920–1930-kh gg.” [“The Place of Maurice Hindus in American Reports from Soviet Russia in the 1920s–1930s”]. *Literatura dvukh Amerik*, no. 3, 2017, pp. 44–54. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2017-3-44-54> (In Russ.)

Tikhii, K. T. *Amerikantsy o strane Sovetov 1921–1933 gg.* [Americans About the Country of Soviets, 1921–1933]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2000. 255 p. (In Russ.)

Khristenko, D. N., A. B. Orishev, and A. A. Mamedov. “Sotsial'naia politika Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (na primere funktsionirovaniia sistemy zdavookhraneniia)” [“Social Policy in the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Centuries: On the Example of Healthcare System”]. *Bylye gody*, no. 19 (2), 2024, pp. 792–802. <https://doi.org/10.13187/bg.2024.2.792> (In Russ.)

Mangione, Jerre. “He Believed in the Qualities of the Common Man.” *New York Times*, September 26, 1971. (In English)